

ЧЕГО БЫ ВЫ НИ БОЯЛИСЬ, ОНО ПРИДЕТ ЗА ВАМИ...

К.Р. Александр

Зона
ужаса

К. Р. Александр

Зона ужаса

Серия «Зона ужаса», книга 1

Серия «Ужастики К. Р. Александра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64107797

К. Р. Александр. Зона ужаса: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-135619-4

Аннотация

Для всех фанатов Р. Л. Стайна – новое поколение ужастиков! Когда пятеро детей получают таинственное приглашение явиться на кладбище в полночь, они не воспринимают его всерьез. Когда они находят надгробие, надпись на котором призывает выкопать могилу над ним, они думают, будто и это тоже шутка.

Но это не шутка.

С ними решила поиграть злая сила, которая принимает облик их страхов.

Акула, чей плавник уже виднеется на поверхности воды.

Призраки повсюду.

Страх оказаться погребенной заживо.

Змея, готовая ужалить.

Злой клоун, преследующий тебя.

Эти страхи... они не исчезнут просто так.

Борись с ними, или они уничтожат тебя...

Содержание

Часть первая. Подначка	6
Часть вторая. Кошмары	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

К. Александр

Зона ужаса

K. R. Alexander
The Fear Zone

© 2019 by Alex R. Kahler writing as K. R. Alexander
All rights reserved

Book design by Baily Crawford

© А. Макеева, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Тем, кто смело встречает свои страхи

Часть первая. Подначка

Эйприл

– Эй, отдай! – кричу я.

Андре жутко ухмыляется в ответ: по случаю Хеллоуина у него во рту вампирские клыки. Он отскакивает и издевательски машет сложенным листком оранжевой бумаги, который увёл у меня из шкафчика. По коридору мимо нас спешат другие ребята в карнавальных костюмах.

Мой лучший друг с шестого класса даже теперь, хотя прошло два года, порой ведёт себя как мой младший братишка. Очень докучливый младший братишка.

Андре начинает открывать записку.

– Ну хватит, отдай!

Всё так же ухмыляясь, он качает головой и медленно разворачивает её.

По правде говоря, я понятия не имею, что там написано, но я не позволю Андре узнать первым. Может, кто-то зовёт на хеллоуинскую вечеринку, а может, гадкая Каролина решила сообщить, как ужасно сидит на мне костюм чёрной кошки. Я бынисколько не удивилась, ведь за последний год хорошая подруга превратилась в злейшего врага.

Снова пытаюсь выхватить листок, но Андре, пританцовывая, отступает дальше. Записка уже почти развёрнута.

Он читает её про себя, и улыбка сразу тает.

– Как это понимать? – хмурится Андре. – Шутка, что ли?

Он переворачивает листок, и я успеваю разглядеть коряво нацарапанные строки:

Встречаемся на кладбище.

Сегодня. Полночь.

А не то...

– Ну-ка! – Я снова тянусь за письмом, и на этот раз Андре отдаёт. – От кого это?

Пожав плечами, он прислоняется к шкафчику рядом.

– Может, розыгрыш?

Перечитываю: почерк незнакомый, не Каролинин точно.

А других врагов в школе Джексона у меня вроде бы и нет.

Или всё же есть?

Уже готовая скомкать письмо, я бросаю на него последний взгляд, и по спине пробегает холодок.

«А не то...»

Что тогда?

– Наверняка розыгрыш, – говорю я. – Попугать на Хеллоуин решили. Скорее всего, на кладбище придут какие-нибудь старшеклассники.

А что, запросто. Ребята у нас в городке любят Хеллоуин,

и старшекласники частенько перегибают палку со своими шуточками. Одеваются монстрами и бегают за малышнёй, кидаются тыквами в машины. В прошлом году кто-то даже пропал во время игры в прятки на кладбище и нашёлся только утром.

Поёжившись, я сминаю записку и швыряю в мусорную корзину. Нет уж, такое не по мне.

– Ладно, пошли. – Я запираю шкафчик и застёгиваю рюкзак. – Мама, наверное, уже выложила сласти, которые прятала до Хеллоуина.

– Сласти – это хорошо! – Андре берёт меня за руку, и мы выходим из школы. Но даже за весёлой болтовнёй меня не покидает неприятное чувство.

Кто-то хочет, чтобы я пришла на кладбище, да ещё в полночь.

Кто-то хочет меня напугать.

Андре

Мы идём по школьному коридору, и странное послание не выходит у меня из головы. Кто мог его оставить? Каролина? С неё случилось бы, но... Не знаю, слишком уж очевидно, и потом, она из тех, кто больше сплетничает, чем пугает.

Мне ли не знать.

За последний год она и на меня стала смотреть как на врага. Грустно, ведь мы дружили, когда ходили в театральный

кружок.

Вижу, Эйприл не по себе, и не хочу пугать её ещё больше, поэтому не рассказываю о записке в собственном шкафчике. Почти такой же, но без угроз в конце:

В полночь на кладбище.

Будет страшно.

Наверняка хитроумный розыгрыш над восьмиклассниками, а не проделки мстительной Каролины. Либо так, либо приглашение на что-то вроде вечеринки.

В любом случае я иду. Если Каролина действительно собралась нас испугать, я непременно должен увидеть, как она сядет в лужу. А если там вечеринка, не хочу пропустить.

Провожая Эйприл до дома и подбадриваю как могу. Почти все кругом уже нарядились в маскарадные костюмы. Всё больше зомби да мумии, наспех обмотанные туалетной бумагой, но кое-кто подошёл к делу вдумчиво. Я прохожу мимо пирата с крикливым птичьим чучелом на плече и чуть не взвиваюсь в воздух, когда замечаю, что ногу ряженого отъедает пластиковая акула. Очень реалистичная.

Хеллоуинскую ночь наш городок встречает с размахом, и в этом году конфетная дань должна быть просто огромной. В центре на главной улице всё уже закрыто и стоят палатки, где раздают бесплатные сладости и горячий сидр. А дом Эйприл – прямо за углом, поэтому к нам наверняка нагрянут целые

толпы гостей. Жду не дождусь, а вот Эйприл сникла.

– Мы опять дежури́м у входа? – спрашиваю я.

Она молча кивает. Явно до сих пор думает о записке.

– Мама поведёт Фредди гулять. Он уже большой, сам будет стучаться и кричать: «Сладость или гадость!»

Здорово! Значит, все угощения достанутся нам.

Эйприл улыбается, но я вижу, что на сердце у неё неспокойно.

– Да ладно тебе, – говорю я, толкая её локтем. – Подшутил кто-то, вот и всё. Наверное, даже не знал, чей шкафчик. Кинул наудачу.

Я чуть было не брякнул: «Небось всем такую кинули», – но вовремя осёкся. Спроси Эйприл, получил ли записку я сам, вышло бы ещё хуже.

На её губах снова появляется улыбка, слабая и неубедительная.

– Нет, ты глянь! – Я показываю на соседний дворик. – Круто, да?

Там настоящая сцена из ужастика: живые скелеты в открытых гробах и огромные котлы с клубами подсвеченного зелёным дыма. Над крыльцом вьются игрушечные летучие мыши, а на деревьях колышутся от ветра тряпичные призраки.

– Ого! – восхищается Эйприл. – Должно быть, кучу денег угрохали.

Когда мы проходим мимо, один из гробов открывается и

оттуда с жутким хохотом выскакивает клоун. Кроваво-красные губы растягиваются в улыбке до ушей, цепкие руки тянутся к нам.

Эйприл с визгом отпрыгивает, едва не сбивая меня с ног. Я перехватываю её, чтобы не свалилась с тротуара под машину.

– Не бойся, он ненастоящий!

Мы смотрим, как манекен ложится обратно в гроб и крышка закрывается. Эйприл держится за сердце и часто дышит, вытаращив глаза.

– Ну почему? – выдыхает наконец она. – Обязательно пугать клоунами?

Я успокаиваю её, держа за плечи:

– Клоунов все боятся, даже сами клоуны. Видно, так мы, люди, устроены.

Конечно, я знаю, почему их боится Эйприл, но не хочу углубляться в тему. Кое о чём мы предпочитаем молчать, в том числе о клоунах.

– Ну да, ты-то сам их не боишься... – Она не сводит глаз с гроба. – Ты вообще ничего не боишься.

– Неправда, – говорю я и шагаю дальше. Сзади подходит компания ребят, и мне не хочется, чтобы Эйприл увидела, как клоун выпрыгнет снова. – У меня от акул мурашки.

– Мы ведь в Айове живём! Страху перед акулами тут просто неоткуда взяться. Их разве что в аквариуме повстречаешь.

– И где ты только была раньше? – усмехаюсь я. – В пять лет я посмотрел фильм про акул, так целый год не мог в ванну ступить.

Эйприл хихикает. Ну хоть о записке больше не думает.

– Что, Эйприл, сердце в пятки ушло? – издевается кто-то за спиной. – Из-за дурацкой куклы?

Я морщусь, понимая, кто стоит позади. Ну конечно, Каролинка тут как тут.

– Пошли, ну её, – шепчу я, но Эйприл, развернувшись, подбоченивается.

– Ничего я не испугалась! Просто вздрогнула от неожиданности.

– Нью-ню. – Каролина подходит к нам с ухмылочкой, которая у зеленокожей ведьмы с длиннющим бородавчатым носом и чёрной помадой смотрится просто убойно. Смерив Эйприл взглядом с головы до ног, она скалится ещё шире: – Что это на тебе, костюм драной кошки?

Рядом смеются её подружки: Лия в наряде ангела и Джоанна – дьяволица, что довольно-таки метко отражает её суть.

– Классная шутка, Каролина! – восхищается ангел. – Драная кошка!

– Скорее, жирная клушка, – встревает дьяволица.

Все трое начинают гоготать, показывая на костюм Эйприл. Он простой, но классный: чёрная майка с джинсами, чёрный хвост, уши и нарисованные усы. Утром, когда мы её гримировали, она гордилась результатом, а теперь сникла.

Шуточки насчёт веса. До чего изобретательно! Внутри меня клокочет гнев.

– И это говорит девчонка, чей наряд наконец-то соответствует её характеру, – говорю я, переводя взгляд с Джоанны на Каролину.

Каролина прекращает смеяться и с отвращением смотрит на меня.

– Кем это ты вырядился, кстати? Вампиры же белые, ни кровиночки.

Я закатываю глаза. И почему это вампир не может быть латиносом?

– Bravo, – фыркаю я. – Мерзко и неоригинально. Твой костюмчик и впрямь тебе подходит. Или сегодня ты просто решила сбросить маскировку?

Каролина что-то бормочет под нос – явно гадость, хоть мне и не слышно. Я беру Эйприл под руку и веду прочь. Мы переходим улицу и направляемся домой. К счастью, Каролина и её дурынды за нами не увязываются.

– К чему было встречать? – ворчит Эйприл.

– Когда нападают на мою лучшую подругу? – Я пожимаю плечами. – Не собираюсь стоять и слушать, как всякие хамки отпускают подколки в твой адрес.

– Теперь они и тебе жизни не дадут, – вздыхает она.

Возможно, я ошибался и больше всего пугают Эйприл не клоуны, а задиры вроде Каролины.

– Плевать. Мы ещё посмотрим, кто кого.

– Не надо... – шепчет она.

Я ободряюще стискиваю ей руку. В прошлом году Каролина из лучшей подруги Эйприл превратилась в злейшего врага, причём ни с того ни с сего. Все летние каникулы не выходила на связь, а когда начались занятия... отдалилась. Эйприл пыталась поговорить, но Каролина в ответ нагрубилась и сказала, что такие друзья ей не нужны. С тех пор она всячески гадит Эйприл, совершенно позабыв о былой дружбе, и порой заходит в своих пакостях слишком далеко. Каждую встречу она награждает Эйприл новой обидной кличкой.

Если одержимые бесами существуют, Каролина точно одна из них.

– Не волнуйся обо мне, – хмыкаю я, – да и о ней тоже. Брось, Хеллоуин же! Айда набивать животы конфетами и танцевать под жуткую попсу!

– Кажется, я потеряла интерес к конфетам, – уныло отвечает Эйприл.

Из моей груди вырывается вздох.

– Но поплясать как умалишённые мы ведь всё равно можем? – с надеждой говорю я.

Она улыбается, на этот раз по-настоящему.

– Конечно!

Я беру её под руку и, чтобы рассмешить, увлекаю в дурацкий танец, после чего мы направляемся домой.

Такое чувство, будто за мною следят.

Я оборачиваюсь глянуть, кто прожигает взглядом мне

спину. Может, Эйприл?

Никого.

Только тот клоун всё выскакивает из гроба и тянет хищные скрюченные пальцы.

Дешон

– Тьфу ты! Только не эта тройца! – бурчу я.

Мы с Кайлом идём бок о бок и посматриваем на Каролину с её кошмарными подружками.

– Просто шагай себе.

Кайл тянет меня вперёд.

Те, над кем насмехалась Каролина, идут на несколько шагов впереди по другой стороне улицы. Кажется, они на год младше. Эйприл я помню по ансамблю, а её друга видел в школьном коридоре. А вот Каролинка... об этой скандальной особе слышаны даже старшекласники.

– Ну, какой план на сегодня? – продолжает Кайл. – Раздаёшь сласти или пойдём на вечеринку к Саре?

– Сласти. Я мог бы подтянуться на вечеринку позднее.

– Составить тебе компанию?

– Да нет. Чего там, надену костюм да засяду смотреть дурацкие фильмы.

Мы оба предпочли бы ходить по домам и выпрашивать конфеты, но вдруг нам уже несолидно? Вечеринка, конечно, круче, ведь за Сарой бегают все старшекласники, но даже

туда особо не хочется. По крайней мере мне.

– Так, прикинем... – Кайл начинает загибать пальцы. – Я могу либо пойти на вечеринку, где мало кого знаю и мало кто мне нравится, либо провести вечер с тобой в своём суперском костюме и обжираться сладостями от пуза. Да уж, так просто и не выберешь!

Я фыркаю.

– Да, но... А что, если тебя хватятся?

В отличие от меня Кайла знают и любят: когда мы идём по школьному коридору, люди дают ему пять и окликают по имени. Ну понятно, он же играет в футбол и выступает за команду по плаванию. Я же просто чудик из школьного ансамбля.

– Мне всё равно, что подумают другие, – отвечает Кайл. – Я хочу отпадно провести вечер.

Я невольно улыбаюсь.

– Ну тогда выбирай пиццу, сласти и плохие ужастики.

– Ага, а если заскучаем, заскочим на вечеринку.

В глубине души я понимаю: его всё-таки тянет туда и он остаётся со мной только из доброты. Мы дружим с детского сада. Кайл знает, что я не хочу идти, но не желает оставлять меня одного. Он хороший друг, совестно его удерживать. Ладно, закажу пиццу с добавочной начинкой и поставлю его любимый фильм – может, получится хоть как-то возместить жертву.

А потом, наверное, даже позволю затащить себя к Саре.

От одной этой мысли на душе становится тошно. Первый год в старших классах был для меня не особо весёлым: никто не замечал моего существования, и даже рядом с Кайлом я чувствовал себя одиноким. Но как знать, может, если я сегодня появлюсь на вечеринке, что-то изменится.

Все офигеют от моего костюма и от моих фразочек – и подумают, что я офигенный. Вроде Кайла. Хотя, конечно, шансов мало. Но я пойду, ведь это его порадует.

Может быть.

Мы заходим в дом, идём ко мне и снимаем рюкзаки. Моя комната сейчас похожа на зону бедствия: в каждом углу лежат горы одежды, на неубранной кровати валяется гитара, а пол, словно опавшими листьями, засыпан страницами старой домашки. Кого-то другого я постыдился бы приглашать, но с Кайлом всё иначе. Он тут, считай, живёт. И пусть только половину времени, но в шкафу и в ванной у него даже свои ящички.

Кайл бросает рюкзак к стене, сдвигает в сторону игровую приставку и устраивается в кресле-мешке перед телевизором.

– Что наденешь? – спрашивает он.

Я бросаю взгляд на шкаф, наполовину заполненный костюмами, в которых мы когда-то ездили на ролёвки – от средневековых нарядов до анимешной механической брони. С большинством мне помогал Кайл: швея из меня аховая, да и выбирать одежду не умею.

– Без понятия. – Я дёргаю плечом. – Смотря, пойдём мы куда-то или нет. Когда начало, кстати?

Если останемся дома, то сойдёт и единорожий комбинезон, а для вечеринки надо постараться. Помнится, в глубине шкафа висит что-то жуткое, инопланетное. Была мысль нарядиться в школу, но мы не знали, в чём придут остальные, и побоялись выглядеть глупо. Похоже, не мы одни: только половина явилась в костюмах, да и то как-то тоскливо, без фантазии. Да уж, старшая школа – совсем другое дело.

– Сейчас гляну, – говорит Кайл.

Он роется у себя в рюкзаке и случайно опрокидывает мой. На пол вываливаются книги и бумаги, а среди них – какой-то оранжевый листочек, смятый в тугой комок.

– Что это? – удивляюсь я. Не помню у себя такого. – Приглашение на вечеринку?

Вот уж не думал, что кто-то может подсунуть его тайком, но другого объяснения на ум не приходит. Когда я укладывал рюкзак, оранжевого шарика точно не было.

Кайл его разворачивает и, приподняв бровь, протягивает мне.

Встречаемся на кладбище.

Сегодня. Полночь.

А не то...

– Жутковатое у них приглашение. – Внутри всё сжимает-

ся.

Кладбище – последнее место на свете, куда я хочу снова попасть.

– Это не похоже на приглашение. Оно по-настоящему страшное. – В глазах Кайла вспыхивает оживление. – А давай сходим!

Эйприл

К девяти Андре засыпает на диване.

Мама с Фредди уже вернулись с конфетной добычей, и мы чуть животы не надорвали со смеху, наблюдая, как резвый четырёхлетний малыш в тираннозавровом комбинезончике бегаёт по всему дому от мамы, которая зовёт его баиньки. В конце концов Андре притворился велоцираптором и загнал-таки Фредди в спальню, но даже тогда удалось уложить его в постель, только разрешив спать в костюме.

На экране потянулись титры уже третьего просмотренного ужастика, банка со сладостями наполовину опустела. Сегодня пятница, и мама разрешила Андре переночевать у нас. По правде говоря, он и так спит здесь чуть ли не каждые выходные, устраиваясь внизу двухъярусной кровати Фредди.

Я бросаю взгляд на Андре: клыки вынуты, подбородок в искусственной крови, подводка для глаз растеклась – натуральная звезда готик-рока. Ну, если не считать слюны, каплюющей с нижней губы.

У меня вырывается смешок.

– Чё такое? – Он выпрямляется, пытаясь стряхнуть сон. –

Не думай, что я отрубился.

– Ладно-ладно, а кто тогда убийца?

– Тыква, – заторможенно отвечает Андре.

Он снова закрывает глаза и оседает на диван. Судя по всему, до комнаты Фредди дойти не сможет.

Сахарный удар, не иначе.

Ему ничего не стоит умять целый пакетик с конфетами.

Хорошо, что он часто бегают, иначе...

Я гоню эту мысль прочь. Сегодня Хеллоуин. Не позволю ничему испортить любимый праздник. В особенности собственным жестоким мыслям. Как всегда говорит мне Андре, Каролина и так гадость ещё та. Нечего помогать ей портить мне жизнь.

– Подъём! – Я бросаю в него конфетой. – Пора в кроватку.

– Я не устал, – бормочет он, не пошевелив и пальцем.

Меня разбирает смех.

– Да ты уже спишь, дружок!

Не знаю, то ли от моего смеха, то ли от ещё пяти кинутых конфет Андре наконец просыпается, зевая во весь рот.

– Эй, не разбрасывайся сладостями! – бурчит он.

– Да ладно, ты их всё равно съешь.

В ответ он разворачивает одну у себя на коленях и забрасывает в рот.

– И как только в тебя столько лезет? – поражаюсь я. – Мне

теперь, наверное, всю неделю одной капусты будет хотеться.

– Годы тренировок. К тому же я быстро понял, что единственный способ спрятать конфету от братьев – это съесть её.

Словно в доказательство, он подбирает ещё одну, но не разворачивает до конца и замирает, уставясь во все глаза в телевизор.

– Эй, – выдыхает он наконец. – Это часть фильма?

Я бросаю взгляд на экран и, поняв, что Андре имел в виду, вскрикиваю от страха.

Титры закончились, но вместо заставки со ссылкой на домашнюю страницу сайта там единственная строка текста.

У ВАС ЕСТЬ ТРИ ЧАСА

– Какого чёрта? – спрашиваю я.

По спине пробегает холодок, и лишь огромным усилием воли я не подбегаю к телевизору и не смахиваю его на пол.

– Может, это что-то вроде... – Андре замолкает, не в силах придумать правдоподобное объяснение.

– Может, э-э, так сообщают, сколько будет идти трансляция? – спрашиваю я.

Андре вдруг подскакивает.

– Кладбище.

– Что?

– Кладбище! Помнишь записку у тебя в шкафчике? Нам

назначили встречу в полночь – как раз через три часа!

После насмешек Каролины, убойной дозы сладкого и нескольких часов ужастиков давно выброшенная записка совсем вылетела у меня из головы. Теперь, когда Андре напомнил, меня не покидает ощущение, что за нами следят.

Я выглядываю в окно: там одна темнота, но от этого не легче.

Андре уже стоит, глаза сверкают радостным возбуждением.

Хочется плюхнуться на диван, спрятаться под одеяла и никогда не вылезать.

– Мы никуда не пойдём, – протестую я. – Тем более на кладбище! Наверное, это просто... не знаю...

– Брось, Эйприл! Где твой авантюрный дух?

Между мной и Андре есть большое отличие: там, где он видит приключение, я вижу опасность.

– Какой-какой дух? – В гостиную входит мама. – Кто это затеял приключения в такое время?

Она уже сняла костюм палеонтолога со шляпой защитного цвета, блокнотом и прочим и переоделась в пижаму. В руках у неё большая кружка чая.

– Не обращай внимания, – говорю я. – Андре просто пытается уговорить меня на ещё один ужастик.

Мама бросает взгляд на телевизор, и у меня ёкает сердце, но слова на экране уже исчезли. Что за?..

– Время позднее, – говорит она. – Я уверена, что недавно

слышала храп Андре.

– Я не храплю! – протестует он.

Вообще-то храпит, и ещё как.

– К тому же, – продолжает Андре, – я только что подзаправился конфетами и обрёл второе дыхание!

– Ладно, – смеётся мама. – В любой другой день я бы отправила вас спать, но сегодня ваш любимый праздник, к тому же выходной. – Она улыбается. – Хорошо, ещё один, но после этого марш по кроватям!

Её улыбка превращается в зевок.

– Почитаю немного перед сном – и на боковую. Надеюсь, вам хватит сознательности лечь после фильма? Постарайтесь не напугаться слишком сильно. Не хочу, чтобы Эйприл опять просилась ко мне в спальню.

– Всего разик и попросилась, да и то три года назад, после того страшного фильма с клоунами! – Кровь бросается мне в лицо.

Не то чтобы Андре про это не знал: он тогда был рядом. Одна из первых его ночей в нашем доме. Я согласилась на уговоры и посмотрела с ним жуткий фильм о клоунах из космоса. Так напугалась, что пришлось спать у мамы в постели. Вот с того самого дня рождения я и...

Андре смеётся, но не подхватывает большую для меня тему. И вообще ни разу не припоминал тот случай – так я поняла, что он станет хорошим другом. С тех пор все наши ужастики – второсортные киношки восьмидесятых годов. Ника-

ких клоунов. Никаких акул.

Мама заключает каждого из нас в объятия и поднимается на второй этаж. Звук её шагов угасает.

– Ну что? – Андре поворачивается ко мне.

Его лицо вновь сияет воодушевлением.

– Что – ну что?

– Так мы идём?

Я оглядываюсь на телевизор. Слова исчезли, словно их и не было. Может, почудились? Какая-нибудь галлюцинация от избытка сахара.

– Не знаю даже...

– Ну пожа-а-алуйста!

– В записке о тебе ни слова, да и вряд ли меня пригласили на что-то приятное. «А не то...» в конце звучит как-то не очень. Что, если ты пострадаешь?

– Возьмём бейсбольную битку, раз уж ты так волнуешься, и сотовые на случай, если действительно попадём в переплёт. Не дрейфь! К тому же не обязательно идти на само кладбище. Спрячемся в кустах и глянем, кто тебя позвал. Наверняка кто-то из школы затеял дурацкий розыгрыш по случаю Хеллоуина. Хочу посмотреть, как они сядут в лужу.

– А это как тогда объяснить?

Я показываю на пустой телеэкран и, схватив дистанционку, листаю назад на несколько кадров. Ничего, никакого жуткого текста – только обычные титры и чернота.

– Может, проделки каких-нибудь хакеров? – Андре пожи-

мает плечами. – Не знаю. Знаю одно: такое нельзя пропускать.

Странно, он так рвётся пойти и совсем не волнуется. Может, потому что страшные записки подкидывают не ему в шкафчик и сообщения приходят не на его телевизор? Наверное, в отличие от меня ему просто нравится бояться.

Но если мы не пойдём, я так и не узнаю, в чём там дело. Так и вижу школу в понедельник: все вокруг говорят о вечеринке или розыгрыше, которые мы пропустили из-за моей трусости!

Если за этим стоит Каролина, я не доставлю ей удовольствия выставить меня трусихой.

– Уговорил, – соглашаюсь я наконец. – Но если идём, то ужасик перед кладбищем смотреть не будем.

– Согласен, – ещё шире улыбается Андре.

Кайл

Мы с Дешоном выходим от него за четверть часа до полуночи.

Ему даже не пришлось уговаривать меня пропустить вечеринку. Хотя я и надеялся там познакомиться с новыми людьми, но видел, как он расстроен, что не получил приглашения. А ещё он испугался жуткой записки, пусть и не показывал виду. То и дело о ней вспоминал, пока мы смотрели дурацкие ужасики, всё гадал, кто же за ним следит. На са-

мом деле, конечно, боялся, что его просто разыгрывают, как любят поступать с такими ботаниками.

Думал, в старших классах всё изменится. Как бы не так.

Потому мы и не стали наряжаться, а просто пошли в чёрном. Страшные звериные маски я всё же кинул в рюкзак. вдруг попадём на карнавал, мало ли что. Надо быть готовым ко всему.

– Думаешь, и правда стоит идти? – шепчет Дешон.

Таким напуганным я его ещё не видел. Да ну, ерунда, чего тут бояться? Подумаешь, старшеклассники развлекаются!

Мы крадёмся мимо его дома. Все внутри спят, и мы пытаемся не разбудить его маму. Не хватало, чтобы она увидела, как мы сбегает.

– Да. Мы теперь не какие-нибудь малолетки, – отвечаю я. – Хватит прятать голову в песок!

Отец миллион раз говорил – точнее, орал – это мне самому, уже оскомину набило.

Я задвигаю эти мысли подальше: зачем портить себе праздник?

– К тому же, – продолжаю я, похлопывая Дешона по плечу, – ты ведь знаешь, это просто какие-то уроды решили подшутить. Вот и глянем, что они затеяли... Уверен, мы с тобой и получше розыгрыши выдумывали.

Например, тот дом с привидениями у Дешона, куда мы не один год водили друзей. Не супер-пупер страшно, конечно, но уж точно не избито. Что бы ни ждало нас сегодня на

кладбище, оно и в подмётки не годится, ясно.

Дешон бурчит что-то под нос.

– Будем считать, что ты благодаришь меня за поддержку, – усмехаюсь я.

– Поддерживай ты меня, до сих пор ели бы конфеты, – дрожа, отвечает он. – Наслаждались бы теплом в уютных пижамах.

Я, хохотнув, иду дальше.

Ночной воздух холоднее обычного, по земле стелется редкий туман. Сменяют друг друга тёмные дома с палисадниками, полными хеллоуинских декораций. В этот глухой час они выглядят ещё страшнее, до мурашек! Гигантские пугала зловеще маячат над головой, призраки-простыни колышутся на студёном ветру, свисая с узловатых ветвей, похожих на ведьмины пальцы. На верандах светятся тыквы с оскаленными рожами, свечные огоньки внутри мерцают, как потерянные души. Пламя отбрасывает во дворы странные тени, длинные и острые, словно когти. По спине пробегает холодок, но мне это даже нравится. Люблю, когда меня пугают.

– Ну и жуть! – шепчу я.

Дешон лишь передёргивает плечами.

Вот и наша округа позади. К счастью, Клёнвилль небольшой, до кладбища на окраине осталось всего несколько кварталов. Мы идём, и, клянусь, с каждым шагом становится всё холоднее! Такая тишь, что слышен каждый наш шаг и стук крови в ушах, да ещё свист налетающего ветра. Я вздраги-

ваю, невольно вспоминая шипение змей, которых мой отец держит в подвале.

От одной мысли о них бегут мурашки. Тёмное подземелье со змеями – совсем не то, о чём хочется сейчас думать.

Никому в этом не признаюсь, но мне уже начинает казаться, что зря мы попёрлись на кладбище. Если там вечеринка, то почему не слышно музыки, мы же всего в паре домов?

– Стой! – шепчет Дешон, внезапно замерев. – Слышишь? Я наостряю уши. Тишина.

Но затем...

– Шаги! – шиплю я.

Мы приседаем и озираемся. Тротуар освещён фонарями, и прятаться особо негде, разве что в чьём-то дворе, а там могут быть собаки...

– Кто там? – тихо окликает чей-то голос.

– Эйприл, ты? – шепчет в ответ Дешон.

Тени превращаются в людей. Та самая девочка, которую мы видели сегодня на улице, и её друг.

– Дешон? Что ты тут делаешь? – спрашивает она. – Тоже получил записку?

Он нервно сглатывает.

– Да, а ты?

Эйприл с другом кивают. Он симпатичный, и лицо знакомое, но имени я не знаю.

– Кайл, – представляюсь я, протягивая руку.

– Андре, – отвечает он. Пожатие у него крепкое, на губах

– улыбка. – А это моя подруга Эйприл, – говорит он.

Я пожимаю руку и ей.

– Значит, вы оба получили по записке? – спрашиваю я.

– Нет, только я, – говорит Эйприл.

– Вообще-то, я тоже, – смущённо кашлянув, признаётся Андре. Он виновато косится на Эйприл, явно ошарашенную. – Прости, не хотел тебя пугать.

– Считай, что уже напугал.

Она поворачивается к нам.

– А вы?

Я качаю головой.

– Нет, я просто за компанию.

– Меня Кайл заставил пойти, – угрюмо сообщает Дешон.

– А меня – Андре. – Эйприл кивает.

– Не дрейфьте! Мы уже почти на месте, – говорю я. – Раз начали, нужно довести до конца, верно?

Мы дружно смотрим туда, где нас поджидает кладбище. Холодный ветер пробирается под одежду, шелестит листвой и оживляет призраков, свисающих с деревьев во дворах рядом.

– Весёленькая картинка, – бормочет Эйприл.

– Не дрейфьте! – повторяю я. – Нас четверо. Чего нам бояться?

– Молчал бы лучше, – ворчит Дешон.

Мы шагаем дальше.

Эйприл

Даже не знаю, чего ждать на кладбище. Неужели будет вечеринка? А может, там рыщет толпа скелетов и демонов? Сейчас поле с надгробиями выглядит пустым. Круглая луна в небе серебрит густые облака, едва освещая унылый строй выросших в землю камней и чахлые деревца. Возможно, шутники прячутся где-то за могилами. Или здесь вообще никого нет и нас просто хотели выманить из дома – узнать, кто самый доверчивый.

Я думала, это Каролинкин розыгрыш, но раз Дешон и его друг Кайл тоже здесь, значит, дело серьёзное. Разве что она и против них ополчилась, а я не знаю. Но с чего бы? Мы с Дешоном в прошлом году вместе выступали в ансамбле, и он всегда вёл себя мило. А ещё он очень хорошо играет на трубе. Никаких причин повесить ему на спину мишень.

Мы вчетвером молча входим на кладбище, освещая путь мобильником. Андре не соврал: он и впрямь захватил биту – и сейчас держит наготове, чуть волоча по траве. Даже этот тихий шелест здесь кажется громом. Готова поклясться: все мы затаили дыхание.

Мы проходим сквозь железные ворота, которые всегда открыты, и поднимаемся по низкому холму, покрытому могилами и кривыми деревцами. Так холодно, что я вся дрожу, да и непрерывный ветер отнюдь не помогает. При каждом по-

рыве шуршат листья и со скрежетом трутся друг о друга ветви. Вдруг вспоминается фильм про зомби, который мы посмотрели незадолго до прихода сюда: пейзаж прямо как там.

Внезапно раздаётся смех, и я застываю как вкопанная.

Вглядываюсь в темноту вокруг, в надгробия, за которыми прячутся глумящиеся черепа и монстры. Смех был не детский! Мужской... И как будто...

– Вы слышали? – спрашиваю я, наострив уши.

– Что именно? – откликается Дешон.

– Тот смех, – громко сглатываю я. – Будто у клоуна.

По коже вновь пробегает холодок. Пронзительный, демонический смех, казалось, шёл отовсюду сразу, и я вдруг снова переносусь в свой давний день рождения. Стою перед толпой ребят, рядом клоун из фильма хохочет и показывает на меня пальцем... А с ним и те, кого я считала друзьями! Я тотчас подавляю воспоминания и гоню прочь подступающие слёзы.

Одно дело слышать смех, другое – признаться в этом вслух. Теперь он кажется настоящим. Клоун где-то здесь и ждёт, когда я повернусь спиной, а потом накинется, закричит и замучает меня!

Шага больше не сделаю! Разве что назад, к безопасности и теплу моего дома.

Андре, похоже, замечает, каково мне. Берёт за руку и придвигается ближе.

– Я хочу домой. – Мой голос немногим громче шепота.

Андре ничего не говорит, просто стискивает мою ладонь ещё крепче и переводит взгляд на парней, которые к нам присоединились. Они, конечно, меня слушать не станут, но, может, хотя бы Андре захочет.

– Возможно, Эйприл права, – говорит он.

– Насчёт смеха? – спрашивает Кайл. – Я не слышал ничего, а ты?

Дешон и Андре качают головами, но Дешон выглядит как-то неуверенно.

– В смысле, она права, и нам лучше уйти, – поясняет Андре, глядя на Кайла: только ему, похоже, здесь нравится. – Сами видите: никого. Ни тебе вечеринки, ни старшеклассников. Мы одни на пустом кладбище в полночь, а на улице холодрыга, и кто знает, что тут водится. Над нами просто пошутили, вот и всё. Предлагаю разойтись по домам. Вдруг копы приедут или родители нас хватятся? Не хочу получить по шее.

С его стороны очень благородно, ведь его родители думают, что он у меня дома, и не накажут, даже узнав правду. Андре старается ради меня, и, похоже, не зря.

– Пожалуй, ты прав, – вздыхает Дешон. – Идём, Кайл. Здесь нечего делать, и я замерзаю. Лучше уж та дурацкая вечеринка.

Кайл тоже готов признать поражение, но тут ему что-то попадает на глаза.

– Эй, гляньте-ка! – показывает он. – Вон там!

На соседнем пригорке мигает золотистый огонёк – точь-в-точь свеча в темноте.

– Наверное, нам туда! – воодушевляется Кайл.

Дешон, похоже, не разделяет его энтузиазма. Как и я.

– А ну посмотрим. – Андре берёт меня за руку, чтобы подбодрить.

Тепло его ладони помогает ненадолго позабыть о страхе. Мой лучший друг со мной, а значит, ничего плохого случиться не может!

Ещё бы поверить в это...

Мы направляемся к свече, слишком громко сминая ногами листья и ветви. Лишь вблизи я понимаю, что свет исходит из тыквы. У неё треугольные зубы и злые глаза, и хоть я, без преувеличения, видела сотни подобных тыкв, эта кажется... хуже. Страшнее. Словно пламя за глазами вдыхает в неё злую жизнь, словно они следят за каждым нашим шагом.

Тыква стоит на старом надгробии. На нём нет никаких имён: стёрлись от дождя, ветра и времени. Впрочем, недавно у него побывали какие-то вандалы и вырезали на камне:

Не беспокоить!

А поверху, знакомым почерком с моей записки, два слова красной краской:

Найдите меня.

И стрелка, которая показывает на свежевскопанную землю у основания надгробия.

Что-то здесь захоронено... И нутро подсказывает, нам предстоит это выкопать.

– Ну что? – Я обвожу взглядом ребят.

Мы вчетвером молча стоим вокруг могилы, не шевелимся, не издаём ни звука. Холод пронизывает, у меня вся кожа покрылась мурашками, и тишина такая, что слышно, как дышит Андре под боком. Он до сих пор сжимает мою руку, но, несмотря на тепло его ладони, меня пробирает дрожь.

– Мы пришли на кладбище. Посмотрели на жуткую надпись. Теперь можно и по домам? – предлагаю я.

Уже ясно: никто больше не покажется. Никакой толпы старшеклассников, которые выжидают за надгробиями, чтобы выпрыгнуть и нас разыграть. И вечеринки в ближайшем склепе не предвидится.

Здесь лишь мы вчетвером, жуткая могила, гробовая тишина и предчувствие, которому я отчаянно хочу внять. Меньше всего мне хочется тревожить землю у этого камня, и, похоже, остальные со мной согласны. Даже у Кайла поубавилось энтузиазма. Он не сводит с надгробия глаз, и в призрачном свете свечи его лицо кажется даже бледнее обычного.

– Угу. Думаю, нам здесь больше делать нечего, – заключает Кайл.

– Что, уже уходите? – раздаётся из-за наших спин. – Самое интересное даже не началось.

Я медленно оборачиваюсь, хотя и так знаю, кто это.
Каролина.

Андре

Каролина – последняя, кого мы хотим видеть, я не преувеличиваю. Это ясно по взглядам, пока она идёт к нам, размахивая фонариком так, словно это её вечеринка. Руки Эйприл сжимаются в кулаки.

– Каролина, так это твои проделки? – рычит она.

– Возможно, – самодовольно ухмыляется Каролина. – Неужто испугались?

– Нет, просто злимся, – отвечает Кайл. – Чего ради ты затащила нас к покойникам среди ночи?

При слове «покойники» у меня по спине пробегает холодок. Никогда не любил кладбища. Столько мёртвых тел прямо под ногами. Ждут. Разлагаются. *Смотрят*. Аж мороз по коже. Я придвигаюсь к Эйприл и крепче сжимаю битую. Меня беспокоит вовсе не Каролина, а то, чего я не вижу.

В ответ на обвинение Каролина воздевает глаза к небу.

– Никого я не затаскивала, болван. Не имею к этому никакого отношения. Просто заметила, как вы улили, и решила проследить. Кстати, а что вы здесь делаете?

Все молчат, но тут могильный камень попадает ей на

глаза, и они прямо-таки вспыхивают – ярче, чем у тыквы.

– О-о-о! – театрально тянет она, подражая завыванию призрака. – Как жутко!

Каролина делает шаг к надгробию, и Кайл отступает ко мне. Его тело буквально излучает жар, даже тянет прислониться. Мне так... так холодно. Кажется, что с каждой минутой стужа крепчает. Однако небо кристально ясное, никаких признаков бури. Может, именно потому так зябко. Без пелены облаков нечему удерживать тепло.

Но меня сейчас тревожит не погода, и не озноб, и даже не то, как дрожит рядом Эйприл от холода или гнева. Мои глаза прикованы к Каролине. Причастна она к розыгрышу или нет, но само её появление здесь не сулит ничего хорошего. Если она не оскорбит Эйприл, пока мы на кладбище, это будет хеллоуинским чудом. К тому же мне не нравится, с каким интересом Каролина разглядывает свежевскопанную могилу.

– Как думаете, что тут лежит? – Она опускается на колени и шарит руками по земле, затем оборачивается к нам и пронзает взглядом Эйприл. – Может, труп? Убийство на Хеллоуин!

– Не говори так. Фу, гадость! – одёргивает её Кайл. – Это просто чей-то глупый розыгрыш. В худшем случае найдём в могиле пластиковый скелет.

В Каролинкиной усмешке мелькает презрение.

– Лично я воспринимаю это как вызов. Почему бы не рас-

копать и не выяснить?

Эйприл крепче стискивает мою руку и придвигается, издавая почти беззвучный стон, этаким слабым писк. Видно, предложение Каролины ей совсем не по душе.

– Мы уходим, – говорю я и поворачиваюсь к парням. – Вы с нами?

Дешон кивает, но не делает ни шагу, уставившись на Кайла. А тот не сводит напряжённого взгляда с могилы, а точнее, с Каролины.

– Что такое? – продолжает насмехаться та. – Струсили? Хотите сбежать домой с этой драной кошкой? Ой, минутку... какое мы тебе придумали прозвище? Так-так... Жирная клушка, во! – Она повторяет мерзкую кличку снова и снова, распевая её, будто детский стишок, а над головой у неё зловеще ухмыляется тыква-фонарь.

– Идём! – говорю я. – Незачем здесь торчать и выслушивать всё это.

Я поворачиваюсь к выходу, но Эйприл словно приросла к месту. Она смотрит на Каролину с точно таким же выражением лица, что и Кайл. Только теперь до меня доходит: это не просто гнев, а отказ. Отказ смиренно сносить издёвки.

Эйприл выпускает мою руку и, решительно шагнув вперёд, опускается рядом с Каролиной.

– Кто последним найдёт тело, тот редиска, – тихо произносит Эйприл и начинает копать.

Вначале я просто смотрю, как она с яростью отшвыривает

землю в сторону... но не в Каролину. Даже сейчас, ответив на подколки, она не опускается до жестокости. Каролина тоже принимается копать, откидывая горстями рыхлые чёрные комья.

Я перевожу взгляд на Дешона, затем на Кайла. Сам не знаю, чего жду. Может, Кайл возьмёт дело в свои руки, сгребёт Эйприл в охапку и утащит с кладбища, а может, Дешон скажет обоим не маяться дурью и валить отсюда.

Однако они не делают ни того ни другого, а переглядываются.

Кайл пожимает плечами. Дешон опускает голову в понуром согласии. Затем Кайл подходит к могиле с другой стороны и тоже начинает копать.

Дешон с убитым видом поворачивается ко мне, его взгляд красноречив: ни он ни я не хотим здесь оставаться; ни он ни я не хотим в этом участвовать, но раз ввязались наши друзья, значит, и мы тоже должны.

К тому же никто не хочет, чтобы Каролина думала, будто выиграла.

Мы с Дешоном опускаемся рядом с остальными и принимаемся рыть.

Земля холодная, мокрая и, как выясняется после нескольких горстей, каменистая, но я не останавливаюсь, хоть и царапаю себе руки. Без понятия, что на меня нашло. Дело не только в желании казаться крутым, не только в желании поддержать Эйприл. Внезапно понимаю: я должен быть здесь и

копать недавно потревоженную могилу вместе с подружкой и парочкой малознакомых ребят. Мы все должны быть здесь.

Все должны копать.

Такое чувство, что у нас нет выбора. Что это судьба.

Кажется, копаем целую вечность, я весь взмок, и ночь больше не кажется холодной, а яма уже по локоть, не меньше. Все сгорбились над ней, тянутся вниз, выгребают землю горсть за горстью.

И вдруг...

– Эй, я что-то нашла! – кричит Каролина.

И свет в тыкве тут же гаснет!

Мы все замираем: чары развеялись. Стоим на коленях и, тяжело дыша, смотрим на Каролину. Она сжимает в руках что-то маленькое.

– Что это? – спрашивает Кайл хрипло, будто пробежал сотню миль.

Каролина не отвечает. Она встаёт и, глядя на коробку в руках, устремляется прочь от кладбища, надгробия и тыквы. В свете померкшей луны силуэт Каролины едва различим. Я поворачиваюсь к Эйприл. Та смотрит вслед Каролине с нескрываемым гневом. Гневом на то, что Каролина победила.

Чем бы ни был её приз.

Эйприл рывком встаёт, и мы отправляемся за Каролиной. Я успеваю заметить, как она прячет что-то в карман. А может, просто так кажется из-за игры теней. Не успеваю я от-

крыть рот, как она разворачивается и швыряет свою находку Эйприл.

– Просто дурацкая коробка, – непривычно сдавленным голосом говорит Каролина. – Коробка, больше ничего.

Она достаёт из кармана и зажигает фонарик и с надменным видом уходит, бросая нас на тёмном кладбище.

Обступив Эйприл, мы глазеем на предмет у неё в руках. Дешон светит на него телефоном.

Ничего.

В смысле, ничего, что стоило бы таких хлопот, как закапывать и звать на кладбище среди ночи группу ребят. Расписанная крышка жестяной коробочки поблекла за долгие-долгие годы в забвении. Рисунок почти неразличим, но вроде бы это...

– Клоун, – произносит Эйприл.

Я перехватываю её взгляд. Ей определённо не по себе. Дрожащими руками Эйприл открывает крышку.

Пусто.

Даже земли нет. Только тусклое серебристое нутро, побитое от старости ржавчиной. Больше ничего.

– И это всё? – разочарованно спрашивает Кайл.

Мы молчим. Просто стоим тесным кружком и смотрим на руки Эйприл.

Ждём чего-то, ведь не может коробка появиться здесь просто так.

Должен признаться, я немного разочарован, хотя не со-

всем понимаю почему.

Наконец Эйприл тяжело вздыхает и выбрасывает находку за спину.

– Идёмте, ребята. Больше тут делать нечего, – говорит она. – Я скоро в ледышку превращусь.

– Э-э, может, нам стоит её сохранить? – Дешон ищет коробку лучом фонарика.

– Не хочу иметь с ней дела, – заявляет Эйприл. – И вообще постараюсь забыть, что сегодня случилось.

– Ну и правильно, – одобряю я.

Кайл хмуро кивает. Мы уже собираемся уходить, как вдруг голос Дешона примораживает нас к месту.

– Ребята, – с дрожью в голосе окликает он.

Мы оборачиваемся.

Его фонарик подсвечивает могилу, но не гору вынутой нами земли, а само надгробие. То самое, на котором ещё недавно краснела надпись «Найдите меня».

Она исчезла!

– Кто это сделал? – спрашивает Эйприл, хватая мою грязную руку. Ладонь у неё липкая и потная.

– Не знаю, – отвечаю я.

Кайл шагает к надгробию, будто собирается его коснуться, и замирает, качая головой.

– Наверное, кто-то подкрался, пока нас отвлекала Каролина.

– Я ничего не слышал, а баллончик с краской всегда ши-

пит, – замечает Дешон.

– Видимо... – шепчет Кайл, но обрывает себя, понимая: любое объяснение будет столь же надуманным.

Здесь никого не было, только мы.

Мы одни.

И всё же кто-то... или что-то изменило слова на могильном камне!

От новой надписи меня до костей пробирает озноб:

Кошмары начались.

Эйприл

Я не верю своим глазам.

КОШМАРЫ НАЧАЛИСЬ.

КОШМАРЫ НАЧАЛИСЬ.

Зловещие слова эхом отдаются в голове. Кто-то пришёл и вывел их. Прокрался к надгробию за нашими спинами. Но как? Дешон прав: здесь тихо, слышен лишь шелест листьев. Никто не мог оставить надпись незаметно для нас. А если смог, куда потом делся? На кладбище никого, даже Каролины уже не разглядеть.

Мы одни.

– Просто чья-то мерзкая шутка, – бормочет Кайл.

Похоже, всё это ему не нравится.

– Как понимать эту надпись? Что думаешь? – шепчу я.

Не знаю, зачем спрашиваю. Знать ответ совершенно не хочется.

– Думаю, что из некоторых старшекласников остроумие так и брызжет, – отвечает Кайл. – Ладно, пошли отсюда, пока они не вернулись и не попытались разукрасить из баллончика уже нас.

Он направляется прочь от могилы.

Дешон не трогается с места, мы с Андре тоже. Я обмениваюсь с ним взглядом. Так и тянет сказать: «А ведь я не хотела сюда идти», и даже заорать, потому что именно он меня в это втянул. Иначе я бы мирно сидела дома и думать не думала о дурацкой записке и дурацком розыгрыше.

Издёвки Каролины до сих пор грохочут в ушах, и я на время забываю о надписи на могильном камне. Хочется чем-то бросить, что-то разбить. Кричать, плакать, пинаться.

Но я не делаю ничего. Только когда Андре прикасается ко мне, я осознаю, что до белизны в костяшках сжимаю в кулаки дрожащие руки.

– Он прав, – глядя на Кайла, заключает Андре. – Нам лучше уйти.

– Да, я уже заледенел здесь, – поддерживает Дешон.

А я так киплю от ярости, что не замечаю холода, но Андре, разумеется, прав. И Кайл прав. Всё это просто глупый розыгрыш, а гадкая Каролинка просто верна себе. Чем быстрее я окажусь в своей постели, тем счастливее буду. Притворюсь, будто мы с Андре просто разошлись по кроватям по-

сле глупых фильмов и конфетно-попкорнового обжорства. Притворюсь, будто всё это сон.

Но сначала нужно смыть грязь с рук... И выбросить из головы клоуна.

– Тебе не кажется, что мы должны её снова зарыть? – Дешон показывает в ту сторону, куда я выбросила дурацкую жестянку.

– Хочу домой, – покачав головой, говорю я.

Андре молча сжимает мою ладонь.

Мы спускаемся с холма вслед за Кайлом и выходим с кладбища. Я не оглядываюсь. Ни разочка.

По крайней мере, пока не добираемся до ворот, а там я не выдерживаю. Такое чувство, что за мной наблюдают.

На кладбище горит огонёк. Свеча.

Опять!

Кто-то снова зажёт тыкву.

И, честное слово, из темноты проступает что-то, подкрашенное резким оранжевым светом.

Человеческая фигура. Она машет нам вслед, а мы бросаемся наутёк.

Ведь это не просто фигура.

Клоун.

Каролина

К тому времени, как добираюсь домой, меня всю колотит.

Холод тут ни при чём, неожиданная встреча с этой дурой Эйприл и её дурацкими друзьями на дурацком кладбище – тоже.

Всё из-за дурацкой жестянки.

Влетаю к себе в комнату и хлопаю дверь. Плевать, если отец услышит. Всё равно не войдёт и не поедит по ушам. Даже устрой я вечеринку, он бы и слова не сказал, если бы думал, что это делает меня счастливее. Помогает смириться с утратой.

Устраивай сколько душе угодно.

Я срываю с себя пальто, швыряю в угол и сжимаю в руках два бумажных комочка.

Кто-то издевается надо мной. Кто-то хочет меня разыграть.

Так вот, я на это не поведусь. Никто меня не запугает. Никто!

Я плюхаюсь перед зеркалом и таращусь на собственное отражение. Глаза красные. Неужто плакала?

Нет.

Конечно же нет.

Это от холодного воздуха. Ветра. Злости.

Наверняка Эйприл причастна к розыгрышу. Это всё она и её дурацкие друзья! Вот кто затащил меня на кладбище! Вот кто подбросил записку и закопал жестянку!

Но как они узнали? Откуда?

Я разжимаю пальцы, и скомканные листки падают на пол.

Вначале я просто смотрю на них, жарко дыша. Даже не верится, что кто-то затеял такое.

Ну ничего, она мне за это заплатит.

Все они заплатят!

Я подбираю один из клочков бумаги. Рука дрожит от гнева. От очень-очень сильного гнева.

Эту записку сегодня днём я нашла у себя в шкафчике. По черк незнакомый:

Жду тебя, Солнечный Зайчик.

В полночь. На старом кладбище.

Так меня называет только один человек. Никто, кроме отца, не знает этого прозвища, но он попросту не мог написать записку или быть причастным к сегодняшнему.

Я долго разглядываю клочок бумаги в руках.

Хочется его сжечь. Закопать. Порвать на тысячу ошмётков.

Но я снова его сминаю и выбрасываю в мусор.

Под ногами лежит ещё один.

Разглядываю и его... пока не начинают болеть глаза, а из соседней комнаты не доносится отцовский храп. Затем из углов наползают тени, стены смыкаются, и я падаю, падаю...

Тряхнув головой, заставляю себя встать и подбираю листок. Рывком открываю тумбочку, забрасываю его в ящик и захлопываю. Выключаю свет и закрываю глаза.

Но даже в полной темноте передо мной чётко, как днём, стоит картинка со второго листка. Фотография, которая непонятным образом оказалась на кладбище.

Напоминание о том, что надо было похоронить ещё год назад.

Часть вторая. Кошмары

Дешон

Обычно заснуть для меня не проблема.

Для Кайла тоже, и сегодня не исключение: он сопит на полу рядом, подложив под голову руку. Отключился почти сразу, когда мы добрались до дома. О том, что случилось на кладбище, разговаривать не стал. Не могу его винить, я и сам не хотел.

Беда в том, что, отказавшись обсуждать события, ты не перестаёшь о них думать. Кайл заснул почти час назад, а я вот лежу и прокручиваю их в уме раз за разом, ищу момент, когда кто-то мог прокрасться за нашими спинами к могильному камню и нанести на него ту надпись про кошмары. Пытаюсь понять, что Каролина обнаружила в жестянке, если, конечно, обнаружила вообще. Гадаю, зачем нас заманили именно на кладбище. Тот, кто подкидывал записки, будто знал...

Спустя час у меня по-прежнему нет ответов.

Ещё через час я очень и очень жалею, что не могу это ни с кем обсудить. И выбросить всё из головы.

Впрочем, Кайла я будить не хочу. Он мой лучший друг, и

мы делимся всеми мыслями, но я вижу, когда он уходит от разговора, когда нуждается во времени, и знаю: если надавить, он ещё долго не захочет открываться. Однажды я пытался вызвать его на откровенность, а он был к ней не готов. Кайл не общался со мной две недели. Затем начал снова, к моему огромному облегчению. И когда он решил поделиться со всем миром, я с радостью предоставил свои уши.

Эх, был бы у меня телефонный номер Эйприл! Или Андре. Конечно, сейчас они оба, скорее всего, спят, по крайней мере я на это надеюсь, но даже после эсэмэски я бы чувствовал себя так, словно выговорился. Вдруг это помогло бы мне задремать?

Помогло бы не думать о призраках... И о разрытых могилах.

Несколько лет назад я играл в прятки с ребятами, которых считал друзьями. Было уже поздно, темно. Тоже Хеллоуин. Им захотелось поиграть на кладбище, и я пошёл с ними. Вскоре я наткнулся на отличное укрытие, меня так и не нашли. И сам я тоже не смог выбраться.

Провёл целую ночь в могиле.

Только я был не один. Я слышал что-то.

Ощущал кого-то.

Даже видел.

Тварей, из-за которых мне по сей день снятся кошмары.

И в глубине души я знаю, что ту надпись сделал на могильном камне не человек, и жестянку тоже оставили не лю-

ди.

«На кладбище попросту не могло быть кого-то ещё, – говорю я себе. – Наверняка это призрак. Или полтергейст. Нас привели туда по какой-то причине, причём явно недоброй».

Но не только об этом меня тянет поговорить. Хотя о другом лучше помолчу. Не признаюсь даже себе.

Мы что-то выкопали, а я пересмотрел достаточно ужасиков и знаю: если выкопал что-то на кладбище, это приводит лишь к одному.

К тому, что тебя начинают преследовать потусторонние силы.

Я смотрю в угол комнаты, и, клянусь, тени смотрят в ответ.

Меня пробирает дрожь, и разгулявшееся воображение ни при чём.

Тени и правда смотрят в ответ.

Совсем как на кладбище. Сегодня и много лет назад.

В комнате вдруг становится как в холодильнике, даже пар идёт изо рта.

Я

не

один.

Боюсь моргать, боюсь дышать.

Стоит это сделать, и что-нибудь привидится, а я не хочу!

Не хочу этого!

Я хочу наконец уснуть!

Хочу, чтобы это закончилось!

Чтобы всё оказалось просто кошмаром.

Я хочу...

Компьютер на столе, помигав, включается.

Вначале я списываю это на игру воображения либо на странный скачок электричества, но затем экран заполняют мерцающие огоньки и слышится шум, очень похожий на треск статических помех или огня, и, что хуже всего, Кайл не просыпается, хотя лежит совсем близко к монитору.

Я зачарованно глазею на экран, а огоньки кружатся, превращаясь в формы. Восьмибитные фигуры с поразительно человеческими очертаниями. Серые капли на фоне однообразного бледно-зелёного пейзажа. Изображение меняется дальше, движется, приобретает резкость, шумы уже напоминают не треск статики, а завывания ветра. И вдруг я понимаю, на что смотрю.

Пять фигур. Пять людей.

Пять людей вокруг горки земли. Пять людей вокруг могилы.

Это мы.

«Нет!» – хочу заорать я, но не могу произнести ни слова. Не могу пошевелить ни единой мышцей. Я парализован, приклеен к кровати, и пусть Кайл совсем рядом, кажется, что он за миллионы миль отсюда.

Я смотрю, как фигуры копают могилу.

Смотрю, как одна из них под бравурные фанфары вытас-

кивает что-то величиной с пиксель.

Смотрю, как открывает находку. Экран вдруг меняется, фигуры становятся чёрными, а фон – таким ослепительно белым, что больно глазам. Я их не закрываю. Я не смог бы моргнуть даже при всём желании. Может, у меня и сердце сейчас не бьётся.

Что-то выходит из того единственного открытого пикселя.

Капля.

Фигура.

Призрак.

Он выбирается из жестянки, растёт и растёт, поглощая близину, растекаясь по экрану, как разлитые чернила.

Пожирает свет.

Увеличивается.

Становится ближе,

а из звуков остаётся один,

всего один,

и это треск статики.

Треск статики!

А тень уже заполнила собой весь экран.

Просто тень с горящими белыми глазами

и острыми белыми зубами.

Она тянется к краям экрана.

Рвётся

наружу.

Экран выпячивается.

Ревут статические помехи.

и я знаю,

знаю:

тьень пришла за мной.

Что бы мы ни откопали, оно нашло нас.

Я хочу вопить.

Я хочу бежать.

Я хочу закрыть глаза,

а тень

растёт.

Тень хочет выбраться

из монитора,

превращается в руку —

в руку, которая

проникает ко мне в спальню,

хочет сцапать

пятью

кривыми когтями.

Я окликаю Кайла, потому что рука тянется к нему,

нависает над его лицом.

Я должен спасти его.

– Кайл! – каркаю я снова.

Слабый шепот.

Почти выдох.

– Кайл, – урчит голос.

Не мой.

Не мой.

Когти начинают смыкаться
на лице Кайла.

Он вот-вот задохнётся.

Он...

Тут Кайл поворачивается, случайно бьёт рукой по системному блоку – и тот весь дрожит. Одна из моих старых игрушечных машинок с громким «хрясь!» падает на пол и будит Кайла.

И пугает меня.

– Что за?.. – хрипло говорит Кайл и садится. Но глаз не открывает.

Я вскакиваю. Наконец-то я могу двигаться!

Но всё равно невольно смотрю на компьютер. На выключенный компьютер.

Кожа гудит и подрагивает, будто меня зарядили электрическим током.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.